

УДК 82.09''19''

ББК 83

С.И. Кормилов

**СПОРЫ О МЕТОДАХ
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В КРИТИКЕ
И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ
1960-Х — ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ 1980-Х ГОДОВ**

Автор прослеживает попытки критиков и отчасти литературоведов последних советских десятилетий каким-либо образом обновить теорию социалистического реализма или выйти за ее пределы, робко ставя вопросы о возможности других методов в советской литературе, и не только ранней. Споры, нередко горячие, по этой проблематике оказывались неэффективными, слишком зависимыми от идеологических догм, но показательно то, что критики даже отнюдь не демократических убеждений не были вполне удовлетворены официозными теориями, что в конце концов способствовало краху последних.

Ключевые слова: реализм (социалистический, критический), романтизм, натурализм, иллюстративность, течение.

Кормилов Сергей Иванович – докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XXв. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Тел.: 8-905-570-20-18
E-mail: profkormilov@mail.ru

© С.И. Кормилов, 2009 г.

В 1960-е гг. советское литературоведение, в том числе теория литературы, совершило мощный рывок вперед. Критика же в своей теоретичности окрепла значительно меньше. В 1970 г. украинский критик Е.Г. Адельгем говорил, что, «к сожалению, теория у нас нередко слабо связана с повседневной критической практикой» [Верность..., 1970, с. 50]. В 70-е — первой половине 80-х гг. не только теоретические проблемы, но и литературоведческая терминология мало занимала массовую критику. Как на ее методологический недостаток на это в 80-е гг. не раз указывал П.А. Николаев, например в статье «Доверие к теории»: она «не соотносит содержательные и стилевые свойства анализируемого произведения даже с понятием “реализм”» [Николаев, 1985; с. 31]. Этим проблемам уделяли внимание главным образом работавшие в критике литературоведы.

Критиков как таковых это положение тоже иногда беспокоило. В конце 1986 г. на пленуме совета по критике и литературоведению Союза писателей свердловчанин В. Лукьянин говорил, что из критических работ почти исчезли понятия «социалистический реализм», «классовость», «народность» [Остро..., 1987; с. 5] (последнее неверно: одни критики действительно игнорировали критерий народности, другие же только им и пользовались, отрывая его от других критериев), а А. Ланщиков отметил, что развитие литературного процесса требует новых терминов, но литературоведы их не предлагают, и критике приходит-

ся на скорую руку выдумывать термины «военная проза», «деревенская проза», «политический роман», «четвертое поколение», «сорокалетние», «тридцатилетние», «тихая лирика» и т.п. [Ланщиков, 1987, с. 5].

Тем не менее в области теории метода надуманные попытки предложить нечто новое литературоведами, выступавшими в критике, предпринимались. Б.Л. Сучков, литературовед отчетливой политико-публицистической ориентации, еще в 1963 г. в статье «Жизнеутверждающее искусство нового общества» («Правда» от 6 октября) заявил об *осознанности* историзма в социалистическом реализме как о его специфическом свойстве. В книге Б. Сучкова «Исторические судьбы реализма» (1967, неоднократно переиздавалась в 70-е гг.) это свойство литературы обосновывалось прежде всего с точки зрения теоретической оснащенности мировоззрения писателей. Построенная преимущественно на материале зарубежной литературы, книга Б. Сучкова официально считалась работой общетеоретического плана. Показательная аргументация автора. В третьем издании объемистой книги (504 страницы) сноска на философские и общественно-политические работы и высказывания — 96, на статьи и высказывания об искусстве — 46 (37 самих писателей и только девять — критиков и искусствоведов), на тексты художественных произведений — 31. В основном приводятся философские и общие высказывания. Книга написана в аксиоматически-констатирующей манере.

Фактически теория осознанности как отличительного свойства историзма в социалистическом реализме была шагом назад, к рапповскому неразличению метода и мировоззрения. В социалистическом реализме выделялись направления: психологическое, изображавшее действительность в формах самой жизни; условно-метафорическое и лирико-патетическое. В последнее, которое, по словам Б. Сучкова, ошибочно называют романтическим, включались столь разные художники, как С. Есенин, К. Паустовский, А. Веселый, И. Бабель [Сучков, 1973, с. 416–426]. «Осознанность» историзма каждого из них и их принадлежность к социалистическому реализму никаких сомнений у теоретика не вызывали.

Книга Б. Сучкова, занимавшего до своей кончины в 1974 г. пост директора Института мировой литературы АН СССР, была отмечена Государственной премией, а лозунг осознанного историзма как главного отличительного признака социалистического реализма активно пропагандировали в 70-е гг. Вас. Новиков [Новиков, 1970, с. 3–44] и др. Ал. Михайлов повторял его и позднее [Михайлов, 1981, с. 300]. Но уже в 1976 г. недостаточность критерия «осознанности» показали Л. Тимофеев в статье «По воле истории» [Тимофеев, 1976, с. 62–63] и М. Храпченко в своей речи на Шестом съезде писателей СССР [Храпченко, 1978, с. 10]; которые отметили, что он применим уже к творчеству Пушкина и Тол-

стого. Имя Б. Сучкова его оппонентами не называлось, теория «осознанности» постепенно была забыта.

С начала 70-х гг. новым словом стала казаться теория социалистического реализма как открытой системы. Славяновед Д.Ф. Марков провозгласил социалистический реализм открытой системой форм обобщения, синтезирующей все прогрессивное в художественном развитии человечества на почве марксистской философии. Разные методы, по этой теории, слились в один, сохранив *«иногда весьма существенные “родовые” черты в области форм художественного обобщения, обладающих относительной эстетической автономностью»* [Марков, 1972, с. 76]. С одной стороны, Д. Марков говорил только о художниках марксистских убеждений (независимо от того, насколько адекватно они умели воплощать свои взгляды во «второй реальности» искусства), с другой же стороны, *«мерой эстетических рамок социалистического реализма»* называл просто правдивость — свойство всякого подлинного искусства. *«Социалистический реализм, как принципиально новая эстетическая структура, — подчеркивал Д. Марков, — сливается с общими свойствами правдивого искусства, равнозначен ему по своему содержанию»* [Марков, 1972, с. 83].

Несмотря на явную противоречивость основных положений, теория Д. Маркова получила широчайшую поддержку в критике (Г. Ломидзе, М. Пархоменко, Л. Новиченко, Л. Якименко, А. Бочаров и др.). Автор, развивший ее еще в нескольких статьях и книге «Проблемы теории социалистического реализма» (1975, второе издание — 1978), был избран академиком. «Литературная газета» в январе 1979 — апреле 1980 г. провела международную дискуссию «Социалистический реализм: художественный опыт и теория». Как писал позднее об этой дискуссии и о своей теории Д. Марков, большинство ее участников и другие критики и литературоведы *«внесли и вносят в нее ряд уточнений, дополнений, выдвигают новые идеи, — я уже давно считаю ее общим завоеванием коллективной творческой мысли»* [Марков, 1983, с. 10]. Многим критикам импонировала фраза *«исторически открытая система»*, в ней как бы содержался протест против «закрытого общества» и одновременно благонамеренное возражение тем, кто считал советское общество закрытым. Заодно она «реабилитировала» социалистический реализм в глазах тех, кто привык его считать выдумкой нелучших времен.

Д. Марков заявлял, что социалистический реализм противостоит модернизму и что его теория не имеет отношения к теории «реализма без берегов». В духе уже международного «единого потока» он перечисляет художников, отошедших от модернизма, но удерживающих элементы прежней поэтики, подчиняя их новым взглядам на мир: это Брюсов и Блок, Б. Ясенский и В. Незвал, Гео Милев и Л. Стоянов. *«Сама логика идейно-художественного развития таких художников <...> ясно и не-*

двузначно свидетельствуют о том, что их приход в революционную литературу означал разрыв с модернистскими принципами, осознание их несовместимости с социалистическим реализмом» [Марков, 1983, с. 18]. Даже если брать только имена русских поэтов, очевидно, сколь «ясно и недвузначно» обосновывается теория. Ведь они умерли один за восемь, другой за одиннадцать лет до появления словосочетания «социалистический реализм», с которым они якобы «осознали» что-то несовместимым, и в своей поэтической практике не были и не стали ни социалистическими, ни критическими реалистами.

В работах Д. Маркова и его последователей не было четкой установки на разграничение «форм обобщения» и просто «художественных форм». Отсюда подчас совершенно неправомерные упреки противникам этой теории, особенно Ю. Андрееву, в том, что они якобы выступают только за внешне жизнеподобные формы в искусстве социалистического реализма. Таким путем легко было зачислить любого противника в догматики, консерваторы и даже охранители. Между тем основные установки теории побуждали к категорическому выводу, что социалистическая культура (уже социалистическая, а не коммунистическая) *«является по существу культурой общечеловеческой» [Марков, 1983, с. 24]. Но если правдиво только искусство художников, признающих марксистскую философию, значит, общечеловеческая культура резко сужается, а вовсе не расширяется в своих границах. Концепция культуры оказывалась сугубо эгоцентрической, оскорбительной для художников многих стран, не являвшихся марксистами по мировоззрению или реалистами по творческим принципам. Наиболее «прогрессистская» литературная теория эпохи общественного застоя фактически была актом державного самовозвеличивания («у нас» только социалистический реализм, следовательно, «мы» исключительно правдивы) и завуалированной конфронтации, принижения тех, кого, случалось, огульно записывали в наших идеологических противников (что «у них» правдиво, то — как «у нас», остальное от лукавого).*

Критики, далекие от «академизма», продемонстрировали полную теоретическую некомпетентность, охотно приняв концепцию «открытости». Но литературоведы разных специализаций ей возражали. На Шестом съезде писателей СССР (1976) М.Б. Храпченко, не называя имен, как было принято в выступлениях политиков, предостерег от признания в реализме каких угодно форм, сказав, что художественные формы не безразличны для содержания, и от опасности превращения социалистического реализма в конгломерат совершенно разнородных, не связанных между собой явлений [Храпченко, 1978, с. 7–8]. Еще раньше Г.Н. Поспелов, обстоятельно полемизируя с Д.Ф. Марковым, повторил свое давнее противопоставление правдивости (правдивы и нереалистические произведения) и верности отражения (свойственной реализму) [Поспелов, 1975, с. 3–6, 14].

А.И. Метченко остро прореагировал на выведение социалистического реализма из модернизма. «Социалистический реализм, — подчеркнул он, — с самого своего возникновения имел собственную идейно-эстетическую основу» [Метченко, 1978; С. 246]. Собственный его вклад в движение литературы важнее того, что им унаследовано. Метченко осуждал две крайности: ограничение социалистического реализма узкой формулой (широкая же, говорил он, будет найдена в результате изучения всего богатейшего разнообразия развивающегося мирового искусства), из-за чего оказывается невозможным отнести к нему ряд шедевров советской литературы, например поздние произведения Пришвина. С другой стороны, он отрицал отождествление его со всей советской литературой, которая включает в себя и литературу переходную к социалистическому реализму — ведь и сам социализм не явился полностью готовым. Но, по-видимому, с какого-то времени советская литература, по мнению А. Метченко, была охвачена социалистическим реализмом полностью (он так не говорит, но не говорит и иного).

А. Метченко спорил с предложенным А. Эльяшевичем [Эльяшевич, 1975, с. 322] разделением социалистического реализма на «объективный» (в жизнеподобных формах), имеющий «неисчерпанные резервы» (неисчерпанные, а не неисчерпаемые, замечает Метченко), и субъективный, или «экспрессивный», который только и признается синтетическим. У А. Эльяшевича за рамки «объективного» реализма выводится Маяковский, объявляются архаическими, не оказывающими сегодня активного воздействия формы открыто публицистические, агитационные, балаганная эксцентрика.

Метченко признает в социалистическом реализме и правдоподобие, и условность. Вместе с тем оговариваются пределы его «открытости»: это система, по диалектической логике, и открытая, и зорко охраняющая свои «берега».

Особенную настойчивость в борьбе с концепцией «открытости» проявил ленинградский критик и литературовед Ю.А. Андреев. Если Г.Н. Пospelов, по сути, обращал внимание на то, что идейное содержание произведений бывает различным и при единстве принципа отражения [Пospelов, 1975, с. 10] (так он предпочитал называть метод), то Ю.А. Андреев подходил к вопросу с другой стороны, подчеркивая, что идейное единство еще не есть идейно-художественное единство. В статье, написанной вместе с Д.С. Лихачевым [Андреев, Лихачев, 1981], он показывал, что формулировка «исторически открытая система правдивого изображения жизни» не строгая, она относится вообще к реализму: действительность движется — и движется реализм. Но собственная позитивная программа Ю. Андреева оказалась размытой. В статье «Метод живой, развивающийся (к методологии изучения социалистического реализма)» [Андреев, 1982], очередной раз раскритиковав Д. Маркова, он предложил

изучать в литературе социалистический идеал, перспективность взгляда на мир, закономерности новой морали, экологические проблемы и т.д., т.е. отошел собственно от проблемы метода, утратил всякую концептуальность, свел ее к тому, *о чем* пишутся современные произведения.

Одно из самых уязвимых мест теории Д.Ф. Маркова акцентировал И.Ф. Волков: у создателя теории нет ни слова о художественной, творческой специфике искусства, а только о марксистско-ленинском понимании мира и человека, социалистическом гуманизме, ленинской партийности. *«Концепция социалистического реализма как “открытой художественной системы” восходит к известному отождествлению художественного метода с философскими взглядами писателя, к трактовке теоретиками РАПП социалистического реализма как диалектико-материалистического метода в литературе»* [Волков, 1981, с. 25].

Д.Ф. Марков ограничился обиженной репликой в связи с этим сближением [Марков, 1983, с. 15], ничего не оспорив по существу.

Итак, теория Д. Маркова до бесконечности расширяла социалистический реализм. Но появилась и противоположная точка зрения. В 1987 г. Ю. Кузьменко напечатал в «Литературной учебе» статью «Загадка М. С. Р.» (т.е. метода социалистического реализма). Он резко разграничил литературу до 1956 г. и последующую, подчеркнул большую разницу между произведениями первых советских десятилетий, когда показывалась борьба отчетливо противостоящих общественных сил, когда господствовало эпическое воспроизведение жизни в ее героическом состоянии, и произведениями последнего времени с более сложными, разнообразными и не лежащими на поверхности конфликтами. На этой почве критик сблизил творчество Чехова и Ю. Трифонова, признал, что не видит существенного различия их методов, но видит отличия их обоих от писателей 20–50-х гг. Ю. Кузьменко полагал, что *«под методом социалистического реализма деятели советской литературы в ту пору»* понимали *«вернувшийся из давних времен, обновленный, пронизанный социалистическими идеалами художественный эпос»* [Кузьменко, 1978, с. 171]. Не видя такового в современности, автор выражает сомнение в целесообразности понятия «метод» вообще.

Вопреки вероятности «отмена» Юрием Кузьменко понятия метода, а с ним и социалистического реализма, по крайней мере в отношении современности, прошла в критике незамеченной. Возможно, на публикацию в журнале, предназначенном для начинающих литераторов, не обратили внимания или не приняли ее всерьез. Только Г. Поспелов в ответах на анкету того же журнала заявил, что Ю. Кузьменко пишет не о методе, а о литературном роде и пафосе и, значит, «загадку М. С. Р.» не решает [Социалистический..., 1979, с. 92]. Упрек был неосновательным: Ю. Кузьменко писал не об эпосе как роде, а об *эпичности* сознания эпохи и проблему метода на свой лад решал. Автор вскоре преждевременно скончался, и критиковать ушедшего из жизни, видимо, не сочли интересным.

Однако невозможно было замолчать попытки осмысления других, кроме социалистического реализма, методов советской литературы.

При молчаливом признании большинством критиков единственности метода социалистического реализма в советской литературе некоторые авторы прямо об этом и заявляли. Например, в 60-е гг. это делал Ю. Барабаш [Барабаш, 1963]. А. Овчаренко так суммировал его соображения: *«Социалистический реализм, пишет М. Барабаш, один и единственный метод советской литературы (во всяком случае, современной). Но этот метод многогранен. Одна из граней — романтизм»* [Овчаренко, 1969; с. 325]. В противоположность подобным взглядам А. Овчаренко выдвинул концепцию *«социалистического романтизма»* — сначала в брошюре *«Романтизм в советской литературе»* (1966), затем в книге *«Социалистический реализм и современный литературный процесс»* (первое издание — 1968) и последующих работах.

До этого *«романтизм»*, чаще всего не отличаемый от романтики (в литературоведении четкое разграничение романтизма и романтики предложил Г.Н. Пospelов еще в 1947 г. [Пospelов 1947, с. 59–68]), признавался в советской литературе неоднократно, в том числе именно как художественный метод. Например, Л.П. Егорова, характеризуя состояние данного вопроса, писала: *«В монографиях отсутствует четкость в трактовке соотношения метода социалистического реализма и романтических течений, развивающихся как в рамках данного метода, так и вне его»* [Егорова, 1966, с. 19]. Однако чаще использовались самые разные наименования: *«течение»*, *«метод изображения»*, *«составная часть метода»*, *«грань метода»*, *«стилевое явление»*, *«романтическая струя»* и т. д.

А. Овчаренко прямо назвал романтизм в советской литературе самостоятельным методом, напомнил, что о социалистическом романтизме спорили в 1933 и 1934 гг. вплоть до выступления А. Жданова на Первом съезде писателей, фактически уравнившего романтизм и романтику. Это, писал А. Овчаренко, было одно из возможных решений, однако ждановские определения позволяли воспринимать это решение как единственно возможное; проблема просто оказалась снятой [Овчаренко, 1973, с. 186]. Но неужели, спрашивал Овчаренко, А. Грин просто не *«дотянул»* до реализма? Романтиком был назван также С. Варгун. А. Довженко в терминологии А. Овчаренко — *«реалист-романтик»*, а Ю. Яновский, которого всю жизнь критиковали за романтизм и довели до плохих реалистических произведений, удостоенных похвал, — *«романтик-реалист»*.

В 60-е гг. А. Овчаренко не склонен был ограничивать *«социалистический романтизм»* хронологическими рамками. *«В последнее время, — говорил он, — мы являемся свидетелями резкого обострения романтического начала в современных советских литературах. Усиление его наблюдается не только в украинской литературе, но и в литературах народов Прибалтики и даже в такой отличающейся трезвым реализмом литературе,*

как белорусская (творчество Я. Брыля, отдельные повести В. Быкова)» [Овчаренко, 1969, с. 331]. Однако с концепцией А. Овчаренко согласились лишь немногие литературоведы [Андреев, 1969, с. 172; Поспелов, 1969, с. 430–431]. Б. Сучков, Л. Новиченко, Б. Бялик, Л. Тимофеев и др. выступили против выражения «социалистический романтизм», самым звучанием впрямую соотносившегося с выражением «социалистический реализм» и как бы представлявшего ему альтернативу. Критики концепции А. Овчаренко видели в ней недоверие к многообразию возможностей социалистического реализма, признавали главным образом только романтическое направление или течение «внутри» данного метода. Б. Бялик заявлял: «Я возражаю против принижения таких художников, как Довженко, Яновский и другие романтики, так как для них (это не относится к Грину) “отлучение” от метода социалистического реализма есть именно принижение <...>. В сущности, А.И. Овчаренко производит не выделение романтизма, а его выселение, притом — выселение без предоставления жилой площади» [Бялик, 1969, с. 525, 526]. По мнению Б. Бялика, в таком случае в числе реалистов останутся только «серенькие».

С начала 70-х гг. А. Овчаренко стал делать оговорку, что социалистический романтизм есть «по крайней мере» на ранних этапах советской литературы [Овчаренко, 1973, с. 174]. Но термин «романтизм» так и не сросся в критике с определением «социалистический». Зато без определения он применялся к самым разным явлениям современной литературы, в том числе новейшей, и не вызывал практически никаких возражений, превратившись поистине в «романтизм без берегов». Например, В. Перцовский писал: «Николай Рубцов — поэт-романтик, для которого старая Русь воплощает огромную непрерывность национально-исторической жизни народа <...>» [Перцовский, 1984, с. 13]. Речь идет не о пафосе романтики, а о социально-исторической концепции. Но романтизм — это как раз разрыв исторических эпох, разрыв реального мира и «мира иного», объективного и субъективного, это прежде всего контрастное противопоставление чего угодно, но ни в коем случае не «огромная непрерывность» общеисторического развития. Столь же своеобразно толковал романтизм А. Эльяшевич: «Романтический герой — на то он и романтичен — всегда герой душевно монолитный <...>» [Эльяшевич, 1984, с. 40]. Ничего общего с реальным романтизмом это утверждение не имело. Вопрос, конечно, не прояснялся, а только запутывался тем, что наряду с термином «романтизм» критик использовал выражения «романтическая струя» и «романтическое стилевое течение». По Эльяшевичу, это некая «очищенная», заостренная жизненная правда в пределах социалистического реализма и вместе с тем именно романтизм. К нему критик относит Василя Быкова и Б. Васильева. По этому поводу воображаемый собеседник критика, аттестуемый как его охлаждающий внутренний голос — «он», — замечает, что никто еще не относил этих писателей к романтическому стилевому течению.

А. Эльяшевич уже от своего лица отвечает самому себе: «У вас школярское представление о романтизме. Есть две разновидности романтического стиля — “субъективный” (“лирический” или “условный”) романтизм и “объективный”, так сказать, “романтизм наблюдения» [Эльяшевич, 1984, с. 40–41]. Каким образом объективный «романтизм наблюдения» оборачивается «очищенной» и заостренной жизненной правдой, автор не разъяснял.

Гораздо реже, чем романтизм, в критике фигурировали другие методы, но литературоведы в 60-е гг. пытались ставить вопрос и об этом. Г.Н. Пospelов во время дискуссии конца 60-х гг. о социалистическом реализме решительно высказался за разграничение не только социалистической литературы и социалистического реализма, но и социалистической и советской литературы. Он напомнил о тенденциозно подкрашивавших жизнь произведениях, часто получавших Сталинские премии, не дав, однако, им определения с точки зрения метода. Выступавший признал романтизм и романтико-реалистические произведения в советской литературе, но оговорил: «<...> я не согласен с тем, что творчество А. Грина следует отнести к социалистической литературе.

Но социалистическая литература — это только одно, основное и ведущее в советской литературе». По выражению Г. Пospelова, не овладели сразу или вообще не овладели миропониманием и идеалами научного социализма С. Есенин, И. Бабель, М. Пришвин, Е. Шварц и многие другие. Теоретик возражал Георгию Ломидзе, увидевшему у них «чеховский» критический реализм (это «завышенные требования»), но вообще признавал их критическими реалистами, воплотившими «демократическую» тенденцию развития общественной мысли. Из современной литературы Г.Пospelов выделил «Семеро в одном доме» В. Семина. С его точки зрения, это не «критически-утверждающий» социалистический реализм, а «к р и т и ч е с к и й реализм в социалистической литературе», реализм не высшего «познавательного уровня» [Пospelов, 1969, с. 431, 430].

За несколько лет до этой дискуссии В. Лакшин защищал повесть В. Семина от упреков в натурализме, так что Г. Пospelов был к ней более лоялен, чем первые критики. «Спору нет, — писал В. Лакшин, — если бы писатель натуралистически воспроизвел случайно вырванные из потока действительности “факты”, никто бы не рискнул назвать его повесть правдивой и художественной. Но ведь картина, изображенная В. Семиным, как раз далека от бесстрастного натурализма, от простой регистрации жизненных подробностей, в ней очевидна реалистическая, прочная связь характеров и обстоятельств» [Лакшин, 1966, с. 238]. В. Лакшин не пользовался терминами, обозначающими методы, но явно не собирался выводить В. Семина за пределы реализма. Наша литература, писал он, «должна быть безусловно правдива: она не имеет права лгать хотя бы с помощью идеализации или умолчания — иначе она нарушит важные связи в

обществе, построенном на демократических и социалистических началах <...>. *Партийность искусства неотрывна от его правдивости*» [Лакшин, 1966, с. 241–242]. Доказательством критику послужил не только подробный анализ повести «Семеро в одном доме», но и краткий исторический экскурс: «*Когда появились первые повести В. Пановой “Спутники” и “Кружилиха”, раздавались голоса, что писательница слишком “приземлила” героев, снизила, “дегероизировала” их и т. п. Прошло двадцать лет, и вот недавно в одной из статей, резко критиковавших повесть “Семеро в одном доме” за приземленность, натурализм, критик, укоряя автора, привел в качестве примера правдивого и правильного изображения жизни повесть В. Пановой “Спутники”. Так движется история!*» [Лакшин, 1966, с. 255].

Теоретики не вняли этому предостережению. М. Храпченко во время дискуссии о социалистическом реализме выразился в общей форме, привычно делая вывод из сказанного другими, как бы налагая резолюцию: «*Л.Н. Новиченко, З.С. Кедрина, А.С. Мясников отмечали черты натурализма, свойственные ряду произведений, появившихся в последние годы. Однако разговор о натуралистических тенденциях в нашей литературе, на мой взгляд, ведется несколько робко*». И далее: «*<...> сейчас возник новый вид натурализма. Эстетическим его обоснованием является теория воссоздания фактов и их реальной сложности, противоречивости. Верное описание фактов, того, что происходит вокруг нас, некоторыми критиками признается, в сущности, более важным, чем художественное обобщение действительности. Теория эта <...> обобщает творческую практику, принципы, выразившиеся в произведениях ряда писателей*» [Храпченко, 1969, с. 458]. Не называя имен этих писателей, М.Б. Храпченко говорил, что «*скептицизм по отношению к большим идеям и толкает нередко талантливых молодых писателей в трясину натуралистической описательности*», что приземление героя тоже «*иногда соприкасается с натуралистической имитацией художественного обобщения жизни*» [Храпченко, 1969, с. 459, 460].

Намеки официального главы советского академического литературоведения разъяснил В.В. Новиков. Сначала он напомнил, что повесть В. Быкова «Мертвым не только» подверглась критике за тенденцию дегероизации, за перемещение изображения с главного, решающего момента в ходе Великой Отечественной войны в сторону частного, отдельного, замкнутого в кругу трагических ощущений и безысходного положения героев (в том же 1968 г., когда проходила дискуссия о социалистическом реализме, И. Виноградов защищал повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда» от точно такой же критики, сопутствующей ей с момента ее появления в 1946 г.). У Г. Бакланова в романе «Июль 41 года», говорил далее Вас. Новиков, неудачи Красной Армии объясняются только репрессиями 1937–1938 гг. «*Сложная объективная картина жизни получает одностороннее осмысление, и это накладывает отпечаток на все повествование, в*

том числе и на характеристику поведения героев» [Новиков, 1969, с. 529]. Неясно, к какому методу относит выступающий критикуемые произведения, но, очевидно, не к социалистическому реализму.

Затем он обращается к вопросу о натурализме, заостренному в выступлении Храпченко. *«В самом деле, натурализм и его защитники мешают процессу развития и обогащения метода социалистического реализма. Поставим точку над “и”. Речь идет о произведениях В. Войновича, В. Семина, А. Макарова, опубликованных в “Новом мире”. Теория “правды фактов” и первоначальных впечатлений, которую отстаивает этот журнал, как бы реализуется в этих произведениях»* [Новиков, 1969, с. 532]. Дело не в изображении отрицательных сторон нашей жизни, а в отсутствии активного отношения художника к изображаемым явлениям, поясняет Вас. Новиков. Он возражает В. Лакшину, в споре с А. Овчаренко отметившему, что нам не хватает не романтизма, а трезвого реализма. Вас. Новиков начетнически провозглашает, что в социалистическом реализме *«суровый реализм и возвышенная романтика находятся в неразрывном единстве»*, и на свой лад одобряет теорию Овчаренко, отождествляя романтизм с идеализацией: *«Ценность статьи А.И. Овчаренко заключается в том, что в ней раскрыты новые черты романтизма в советской литературе, которые связаны с утверждением и поэтизацией положительных явлений в советской действительности, с воспеванием того идеального, к достижению которого стремится и направляет все свои усилия советский народ. Такой романтизм имеет право на самостоятельное существование. Он имеет свои формы и жанры»* [Новиков, 1969, с. 537]. В трактовке теории А. Овчаренко Вас. Новиков достаточно независим от самой теории.

Время показало, что наибольшую опасность для литературы представлял не натурализм, истинный или мнимый, а тенденциозный нормативизм и иллюстративность, против которых боролся «Новый мир» Твардовского. Многочисленные высказывания «новомирских» критиков против неправдивой литературы, фальши и идеализации имели в виду именно нормативизм, хотя это понятие и не было обобщено и четко сформулировано критической теорией. Неоднократно высказывались «новомирцы» и против иллюстративности. А. Твардовский в статье «По случаю юбилея» прямо выступал против «иллюстративного» метода с его приверженностью к конъюнктуре [Твардовский, 1965, с. 14], обещал, что журнал и впредь будет оберегать читателя *«от всякого рода подделок под литературу, поверхностной, иллюстративной беллетристики, считая решающим достоинством произведения непосредственную правду жизни и глубину постижения ее писателем с партийных, ленинских позиций»*, говорил, что критика в журнале *«признана вести борьбу за глубокую идейность, реализм, народность художественного творчества, против убогой иллюстративности, конъюнктурной скорописи, формалистического “извития словес” и просто серятины»* [Там же, с. 18]. И. Виноградов в статье

о повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда», отвечая нормативной критике с ее требованиями активности и четкости авторских позиций, ставил вопрос конкретно: *каких* позиций? *«Именно в этом — существо дела, и формула эстетического остракизма, которому принято было подвергать В. Некрасова, — всего лишь неуклюжая и безграмотная попытка придать видимость академической солидарности вовсе не академическому неприятию того, что противостоит идеалу казенно-иллюстративного искусства, созданному усилиями конъюнктурной критики»* [Виноградов, 1968, с. 241]. И. Виноградов совершенно справедливо утверждал, что убедительность авторской мысли заключается прежде всего в правде и убедительности самих образов.

В 70-е гг., когда нормативизм и иллюстративность пышным цветом расцвели в «секретарской» литературе, поставившей себя вне критики, проблема нетворческих методов не нашла своего развития. Не возникало новых серьезных соображений и относительно других творческих методов, кроме социалистического реализма, к которому стремились отнести все, чрезвычайно от реализма далекое.

В начале 80-х гг. стали раздаваться призывы к активизации теории социалистического реализма. В. Озеров в докладе «Многонациональное единство советской литературы и задачи литературной критики» на Седьмом съезде писателей СССР (июль 1981 г.) заявил, что, споря об открытости нашего метода, надо давать конкретные определения нового [Седьмой..., 1983]. И. Дзеве́рин на встрече главных редакторов литературоведческих и критических журналов, состоявшейся после XXV съезда КПСС, отметил редкость новых мыслей в трудах о социалистическом реализме [Дзеве́рин, 1981, с. 17–18]. В редакционной статье «Вопросов литературы», информировавшей о пленуме Совета по критике и литературоведению при правлении Союза писателей, подчеркивалась *«нехватка новых методологических подходов»* [Метод..., 1983, с. 4] в этой области. Вопрос о других методах не поднимался либо отвергался. Так, на том же пленуме по критике В. Гура с этих позиций спорил не только с А. Овчаренко и Ю. Андреевым, признававшими разные методы (последний в литературе после Октября признавал натурализм, романтизм, футуризм и их динамическое взаимопроникновение), но и с А. Метченко, у которого при разграничивании социалистического реализма и социалистической литературы, по мнению В. Гуры, последняя выступает *«как явление, не имеющее своего метода <...>. Очевидно — считает В. Гура — самым плодотворным было бы конкретное изучение того, как развивался и обогащался метод социалистического реализма на каждом этапе своего пути»* [Метод..., 1983, с. 16]. Вторя ему, С. Шерлаимова говорила, что *«разъединение»* социалистического реализма и социалистической литературы *«неправомерно как с точки зрения теории, так и с точки зрения литературной практики»*, что оно (тут выясняется прагматическая причина

такой позиции) «может играть на руку противникам социалистического реализма (как случилось, например, в Чехословакии в 60-е годы)» [Там же, с. 29–30]. В. Оскоцкий допускал нечто отличное от социалистического реализма лишь в виде отступления от него вследствие мировоззренческих, идеологических заблуждений [Там же, с. 14].

В середине 80-х гг. в литературоведении прозвучало напоминание, что «идеи социализма можно выражать на основе разных художественных методов», что есть «огромное количество произведений — в том числе в литературе социалистических стран и Советском Союзе, — которые дают правдивую, образную информацию о разных сторонах жизни <...>, но в которых этот реальный жизненный материал еще недостаточно освоен художественно-творческим образом, не претворен на основе принципов социалистического реализма во вторую, собственно художественную действительность. Эту литературу можно назвать, вслед за Гете, “простым подражанием природе” <...>». Отмечалось учёным и наличие произведений, в которых «нет и объективной информации о жизни, а есть лишь субъективное авторское отношение к ней» [Волков, 1985, 83–84]. Обе разновидности произведений в данном случае не совсем правомерно отождествлялись, характеризовались как «о б р а з н ы е и л л ю с т р а ц и и» и обозначались термином «нормативизм» [Там же, с. 84–85]. Одновременно о «нормативном» принципе, порождаемом «слабостью художественной характерологии, в частности нелогичностью поведения персонажа в названной ситуации», напомнил П.А. Николаев, сделавший вывод: «Произведения такого рода с преобладанием в них указанной сюжетной слабости, даже если они не имеют идейных просчетов, не следует относить к реалистическим» [Николаев, 1985, с. 30, 31]. Было отмечено, что эти явления нередки в современной литературе. Но писательские имена названы не были, как и в книге И.Ф. Волкова. Чтобы смогло развернуться конкретное литературно-критическое обсуждение этих проблем, нужны были принципиальные сдвиги в общественной, прежде всего духовной, жизни страны, которые вскоре и принесла «перестройка».

Литература

1. Андреев Ю.А. Революция и литература. Л., 1969.
2. Андреев Ю.А. Метод живой, развивающийся (к методологии изучения социалистического реализма) // Русская литература. 1982. № 1.
3. Андреев Ю., Лихачев Д. Истоки и характер содружества братских литератур Европы // Иностранная литература. 1981. № 4.
4. Барабаш Ю. Чистое золото правды. О некоторых особенностях эстетики и поэтики Александра Довженко. М., 1963.

5. *Бялик Б.* Об одной ложной концепции // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969.
6. Верность марксистско-ленинской методологии — залог успехов критической мысли (III пленум Всесоюзного совета по критике) // Вопросы литературы. 1970. № 6.
7. *Виноградов Игорь.* На краю земли // Новый мир. 1968. № 3.
8. *Волков И.Ф.* О многообразии форм в литературе социалистического реализма // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1981.
9. *Волков И.Ф.* Литература как вид художественного творчества. М., 1985.
10. *Дзевекин И.* Идти вперед // Вопросы литературы. 1981. № 7.
11. *Егорова Л.* О романтическом течении в советской прозе. Ставрополь, 1966.
12. *Кузьменко Ю.* Загадка М. С. Р. // Литературная учеба. 1978. № 5.
13. *Лакшин В.* Писатель, читатель, критик: статья вторая // Новый мир. 1966. № 8.
14. *Ланищikov А.* Перестройка касается всех // Литературная газета. 1987. 7 января.
15. *Марков Д.* О формах художественного обобщения в социалистическом реализме // Вопросы литературы. 1972. № 1.
16. *Марков Д.* Системное единство социалистического реализма // Вопросы литературы. 1983. № 1.
17. Метод живой, развивающийся // Вопросы литературы. 1983. № 10.
18. *Метченко А.* На собственной основе // Новый мир. 1978. № 9.
19. *Михайлов Ал.* Два ключа. Литературные споры. М., 1981.
20. *Николаев П.* Доверие к теории // Вопросы литературы. 1985. № 9.
21. *Новиков В.* Активность писателя — какая? // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969.
22. *Новиков В.* Новый историзм — новые художественные открытия // Новаторство и художественное многообразие литературы и искусства. М., 1970.
23. *Овчаренко А.* Романтизм в советской литературе // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969.
24. *Овчаренко А.* Социалистическая литература и современный литературный процесс : 2-е изд., перераб. и доп. М., 1973.
25. Остро и конструктивно // Литературная газета. 1987. 7 января.
26. *Перцовский В.* Продолжение поиска. Литературно-критические статьи разных лет. Новосибирск, 1984.
27. *Поспелов Г.Н.* Проблема романтизма // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1947.
28. *Поспелов Г.* Социалистическая литература и ее методы // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969.
29. *Поспелов Г.Н.* К спорам о литературе социалистического реализма // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1975. № 1.

30. Седьмой съезд писателей СССР : стенографический отчет. М., 1983.
31. Социалистический реализм сегодня. Анкета «ЛУ» // Литературная учеба. 1979. № 6.
32. Сучков Б. Исторические судьбы реализма : 3-е изд., доп. М., 1973.
33. Твардовский А. По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1.
34. Тимофеев Л. По воле истории // Литературное обозрение. 1976. № 6.
35. Храпченко М. Литературные теории и творческий процесс // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969.
36. Храпченко М.Б. Рост литературы и проблемы теории // Движение жизни и литература. Современные проблемы социалистического реализма. М., 1978.
37. Эльяшевич Арк. Лиризм. Экспрессия. Гротеск. О стилевых течениях в литературе социалистического реализма. Л., 1975.
38. Эльяшевич Арк. Горизонталы и вертикали. Современная проза — от семидесятых к восьмидесятым. М., 1984.